

П. Невежин

Воровка

I

Великий Пост подходил к концу. Добрым обывателям приходилось подумать, как достойно встретить Светлый Праздник.

В семействе Павла Павловича Цаплина, зажиточного домовладельца, также шли приготовления, и хозяйка Евдокия Ивановна, полная женщина, с суровым выражением лица, очень расчетливая, соображала, как бы поменьше затратить на пасхальные яства. Дочка же ее Лиза враждовала с экономией и придумывала, каким бы манером выцарапать у отца побольше денег. Молодая, изящная девушка думала не только о том, как бы самой развлечься на праздниках, но и помочь подруге Саше Алонкиной, семья которой бедствовала. Но, зная скупость отца и матери, она теряла голову и не могла придумать способа добыть необходимое.

Так наступила Страстная неделя.

В понедельник вечером Саша пришла к Цаплиным. Подруги нежно поздоровались и ушли в комнату Лизы.

- Шурочка, какая ты грустная! Верно, дома ничего не радуется?

- Какие радости! Праздник подходит, а у матери в кармане нет и копейки. Конечно, свое жалованье я отдаю ей, но перед праздниками такие расходы, что все истрачено... Ты не можешь представить себе, как мне жаль маму; она больна, ей нужен покой, а что я могу сделать? Хоть душу заложи, так никто не даст ничего, - сквозь слезы окончила молодая девушка.

- Не плачь, милая, - остановила ее хозяйка. - Мы что-нибудь придумаем.

- Ничего не придумаешь...

- Поймай, голубушка, мне пришла в голову блестящая идея!..

- Что такое?

- Я обращаюсь к дяде. Он никогда не отказывал мне, и теперь, верно, не откажет. А как только получу, сейчас приду к тебе и все отдам.

- Какая ты добрая, какая ты добрая, - шептала сквозь слезы блондинка, горячо целуя подругу.

II

Скоро девушки расстались, и Лиза стала соображать, как помочь Шуре.

О дяде она не думала, потому что старик был скупее отца и племянница не получала от него никогда ни одной копейки. Девушка стала раскидывать умишком, как бы добыть что-нибудь другим способом.

Вдруг в ее голове мелькнула преступная мысль:

«Украду! - подумала она и испугалась своего намерения: - Ведь что придет в голову? Красть!..»

Лиза притворно засмеялась, но мелькнувшая мысль не выходила из головы.

«Разве это будет кража? - заранее оправдывалась она перед собой. - Ведь я возьму у отца, у матери, и от них все равно когда-нибудь перейдет ко мне же то, что у них есть».

Утешая себя таким образом, Лиза постепенно осваивалась с тем, что задумала, и с восторгом представляла себе, как ее задушевная подруга Шура радостно встретит Светлый праздник.

«Голубушка, милая моя, - думала она, - и вдруг будет плакать, - шептала «злоумышленница», собираясь совершить преступление. - Если бы отец и мать были

добрыми, разве мне пришло бы в голову украсть у них. А то, заикнись только о деньгах, так мало того, что не дадут, а три дня будут читать нравоучения о вреде расточительности и пользе экономности».

«А не пойти ли к матери и попросить нужную сумму», - подумала вдруг девушка, но тотчас же спохватилась.

«Я могу испортить все дело, - решила она. - В случае чего... сейчас же заподозрят меня. Лучше так...»

И она стала составлять свой коварный план. Хорошо зная, куда мать кладет бумажник и когда комод остается открытым, Лиза улучила минуту, шмыгнула в спальную, открыла шкатулочку и, отсчитав пятнадцать рублей, незаметно убралась.

«Может быть, мать и не заметит», подумала она.

Но расчеты оказались неверными.

День, правда, прошел благополучно. Лиза сходила к Алонкиным, отдала подруге деньги и, стараясь быть покойной, вернулась домой. Но в доме уже шел переполох.

III

Цаплина, подводившая каждый вечер итоги суточным расходам и проверявшая свою домашнюю кассу, к ужину заметила пропажу. Начался скандал. На кого прежде всего могло пасть подозрение? Конечно, на горничную, и Евдокия Ивановна обрушилась на нее.

- Воровка! - кричала она. - В суд подам. Засадят тебя, так будешь знать, как лазать по комодам.

Несчастливая прислуга оцепенела. Ни душой, ни телом не виноватая, Паша взвыла:

- Помилуйте, барыня, за что обижаете? Про меня никто не скажет, что я в чем-нибудь замечена. Обыщите меня...

- И обыщут. А как ты думаешь! Таким, как ты, потачки не дают...

На крик жены вышел Цаплин и обратился к Евдокии Ивановне:

- В чем дело?

- Украла! Пятнадцать рублей пропали...

- Не дожить мне до праздника, если я попользовалась, - вопила горничная, уходя из комнаты.

Оставшись наедине с женой, Павел Павлович спросил спокойно:

- Да не ошиблась ли ты?

- Никогда не ошибаюсь. Записано...

- Но ведь ты не видела, как она брала?

- Еще не видела!.. Я выдрала бы ей все космы!.. Но кроме ее некому...

- А кухарка?

- Та не входит в комнаты. Это Пашка, и я сейчас же выгоню ее вон.

- Подумай, что ты делаешь!.. Во-первых, ты не уличила ее, а во-вторых, наступает такой праздник...

- Оставь-ка ее, так она и не столько слимонит. От домашнего вора не убережешься. Вон и вон!..

Как не убеждал Павел Павлович свою жену, Евдокия Ивановна осталась непоколебимой. Она вынесла Паше паспорт, причитающееся ей жалованье, и велела немедленно, собравши вещи, убраться из квартиры.

- Сама буду все делать, а воровки в доме не потерплю, - шумела Цаплина.

Зная резкий характер Евдокии Ивановны, муж перестал противоречить, и Паша, в слезах, уехала к своей родственнице.

IV

Лиза была потрясена. Сославшись на головную боль, она не выходила из своей комнаты, показывая, что не принимает близко к сердцу домашней неприятности. На другой день к ней пришла Шура.

- Как ты сегодня бледна, - заметила она, целуя хозяйку.

- Немного голова болит, - притворно улыбаясь, заметила Лиза.

- А уж как я тебе благодарна, - продолжала гостя. - Век не забуду. А что, дядя охотно дал тебе?

- О, да!.. Он добрый...

- Дай Бог ему здоровья. Не зная нас, он помог нам без горя встретить праздник. Ах, как хорошо тому, у кого в этот день будет светло на душе, и кто, сказавши «Христос Воскресе», почувствует, что никого не обидел и никого не заставил плакать.

При этих словах у Лизы сжалось сердце. Она вспомнила, как рыдала Паша, для которой праздник становился мучительными буднями. Оporоченная, выгнанная без всякой вины, что должна была переживать несчастная горничная? И всему этому причиной стала она, Лиза! Тут впервые молодая девушка поняла, как жизнь сложна, и что часто благополучие одних приносит несчастье другим, и это сознание отравляло ей приближение Великого Праздника. Паша становилась для Лизы кошмаром, давившим ее.

- Как быть? - шептала она, оставшись одна. - Мне так стыдно, и меня так мучит совесть, что я, кажется, задохнусь. И как это я не сообразила, что могут подумать на нее. Надо на что-нибудь решиться...

Долго она ломала голову и, наконец, остановилась на мысли пойти к отцу и признаться, что дурно поступила, желая сделать доброе дело, и просить вернуть Пашу.

Признание дочери поразило Павла Павловича. Ему, как сухому человеку, чужды были такие побуждения души. Он знал, что красть запрещается, и не признавал никаких оправданий.

- Так ты вот какая? Добру же вас учат в гимназии!..

При чем тут гимназия? - огрызнулась девушка. - Я сделала доброе дело.

- Кому? Чужим. А почему ж ты не подумала о своих? Бесстыдница! Что станет с твоей матерью, когда я передам ей о том, как ты поступила!

Лиза с искаженным лицом взглянула на отца и, закрывши лицо руками, проговорила:

- Вы никогда не понимали меня и не понимаете...

Цаплин усмехнулся и небрежно ответил:

- Что тут понимать-то? Худое хорошим не назовешь. Ты лучше не забывала бы своих отца и мать.

При этих словах произошло нечто необычное. Лиза вздрогнула и с ожесточением проговорила:

- Отец?! Мать?! Разве они есть у меня!..

- Что ты, что ты? Опомнись!..

- Да, их нет у меня... Если вы одеваете, кормите меня и даете угол, то это делают и не только для дочери. Заглянули ли вы ко мне в душу и поинтересовались ли узнать, что думает и чувствует ваша дочь? Нет... Мои добрые побуждения вы называли пустяками и не допускали мысли, что я имею право быть доброй, гуманной и поступать так, как Христос учит людей... Могла ли я прийти к вам и сказать: «Папа, я должна помочь подруге, которая в нужде и в горе». Нет, я не могла, потому что моя просьба окончилась бы только неприятностью. Я предпочла украсть...

Цаплин стоял как окаменелый, но при слове «украсть» он попятился назад и стал отмахиваться руками.

- Молчи, - шептал он, - не повторяй этого слова... Я не слышал его...

- Так слушайте: «украла»!..

V

Сказавши это, Лиза упала на диван и зарыдала. Павел Павлович был окончательно уничтожен. В первый раз в жизни с его глаз спала пелена. В его груди пробудились такие чувства, каких он не ощущал никогда. Его дочь, ради спасения постороннего человека, решилась на преступление, не старается скрыто его и открыто объявляет об этом, как о подвиге, а он, отец, ни разу не проявил такого чувства, на которое его обязывала природа... Этот сухой человек как-то съезжился и, посмотрев на Лизу, как бы ждал пощады.

- Успокойся, - заговорил он мягко, ласково. - Мало ли чтоб бывает... Только не говори матери... Она человек непокладистый... Дело обойдется - молчи, только и всего.

- Хорошо, папа, я буду молчать, потому что, взявши не для себя, худого не сделала; вы должны вернуть Пашу. Я не хочу, чтобы она, несчастная, была опорочена и встретила праздник, проклиная ту, которая принесла ей несчастье.

Цаплин провел рукой по лбу и в замешательстве заметил:

- Это невозможно... Евдокия Ивановна и слышать не захочет простить ее...

- Зачем прощать?.. Вы должны сделать так, чтобы она оказалась невинной.

- Как же это сделать?..

- Придумайте... Я Вам за это век буду благодарна, и Вы увидите от меня такие ласки, каких никогда не видели...

Сказав это, Лиза бросилась на шею и стала горячо целовать его.

- Вот ты какая?! Не знал, не знал!.. Надо придумать... Только опять повторяю, матери ни гугу!..

Павел Павлович, по натуре добрый человек, но заваленный делами, весь ушел в них и нравственные заботы о семье не считал своею обязанностью... К тому же он, как воспитавшийся в дурных условиях, не был приготовлен и только теперь почувствовал всю сладость любви и справедливости...

- Хорошо, дочурка!.. - шептал он. - Если ты так, то и я не останусь в долгу!..

Цаплин не долго обдумывал, как поступит. Он взял в руку пятнадцать рублей и, отправясь поискать что-то в комод, вдруг громко позвал жену:

- Дуня, Дуня!..

В спальню вошла Евдокия Ивановна.

- Что тебе?..

- Ты сердилась, что у тебя пропали деньги, а они лежат себе преспокойненько возле шкатулочки, в углу... Вот они!..

- Не может быть!..

- Не стану же я тебе врать!..

- Как же я не заметила их?.. Кажется все обшарила.

- На всякую старуху бывает проруха.

- Слава Богу, что нашлись...

- Это верно, но как же с горничной?

- Эка важность!.. Прогнала и прогнала...

- Нет, позволь!.. Ведь мы с тобой крест в душе носим!.. Как же шельмовать безвинного человека... Разбежится молва, что она воровка - никто не наймет... А как она руки наложит на себя?.. Как нам будет жить после этого?.. Необходимо ее вернуть, чтоб очистить перед людьми!..

- Вернуть?.. Ни за что!..

- Так я буду говорить, что ты напрасно обвинили ее... Тебе же будет хуже...

- Да ты с ума сошел!..

- Говори, что хочешь, а это будет так.

Сказавши, Павел Павлович вышел из комнаты, оставив жену в страшном замешательстве.

- Поди ж ты, что вышло... - подумала она. - Как же теперь быть? Павел Павлович тих, а как расходится, так хоть из дому беги!.. Пусть делает, как знает, мое дело сторона!..

VI

Решение было сообщено мужу, и за Пашей послана была кухарка; но обиженная горничная наотрез отказалась вернуться...

- Подумаешь, какая фря!.. Не хочет, и не нужно, - объявила Евдокия Ивановна; но Лиза, бывшая при этом, стала возражать.

- Мамочка, Паша права, но ее надо вернуть, и я сама съезжу за ней.

- Это еще что такое?..

- Папаша так думает...

Слово «папаша» замазало рот строптивой женщине, и Лиза поехала уговаривать горничную... Увидя барышню, Паша бросилась целовать у ней руки.

- Я за тобой... Одевайся, бери извозчика и сейчас же к нам.

- Барышня, как же так?..

- Не разговаривай!.. Видишь, я сама за тобой приехала... Вышла ошибка, она разъяснилась, и все кончено... Мамаша извинится.

Обрадованная Паша живо собрала вещи и, положивши их в пролетку, тотчас же переехала к Цаплиным.

Была Страстная суббота. Поруганная девушка мучилась при мысли, что такой Великий Праздник проведет полуголодной, в наемном «углу», и вдруг все переменилось.

Наступавший Светлый Праздник примирял людей... На душе у всех прояснилось, но никто так не чувствовал радости, как Лиза. Она поняла, какое высокое наслаждение доставляет человеку сознание, что она идет по пути Того, Кто учил любить и ради этой любви приносить жертвы.

Христосуясь с отцом, Лиза шептала ему:

- Вы воскресили мою душу, и за это Вам будет заплачено сторицею.

1890-е гг.